

ИЛЬЯ КИРИЛЛОВ

ПРИВКУС ОГНЯ И МЕТАЛЛА...

БАТЮШКОВ

I

1822

По раскисшему тракту в болотной глуши
на четвёртой неделе поста
он в кибитке наёмной — ящик, поспеши! —
в незабвенные едет места.

В непролазной тоске, в непроглядном чаду
он покинул Европу — и впредь
неподвластен ни слову её, ни суду,
и вольно ж ему будет с собой не в ладу
в захолустье своём умереть!

Утешителен дар его — воображать,
и мучительна цель его — преображать.
Но как долго, как долго ему
безъязыкую бездну ещё вопрошать
и протягивать руки во тьму?

КИРИЛЛОВ Илья Николаевич родился в Оренбурге. Окончил филологический факультет Оренбургского государственного педагогического университета. Публиковался в журналах "Наш современник", "Москва", "Русское эхо", "Парус", "Бийский вестник", альманахах "День поэзии. XXI век", "Гостинный Двор" и др. Автор книги стихов "Дни ледостава". Лауреат Всероссийской Пушкинской премии "Капитанская дочка", Оренбургской региональной премии имени П. И. Рычкова. Живёт в Оренбурге.

Видит Бог, он мечтал, на возвратном пути
вновь отеческим солнцем согрет,
не мольбу о спасенье с собой принести,
а поклон и сыновний привет.

Отчего ж у округи зарёванный вид
и от ветра не скрыться нигде?
О провинция русская! Твой алфавит
отсырел на апрельском дожде.

Ты струишь ему в очи холодный рассвет,
ты колеблешь деревья в тоске
и невнятное что-то бормочешь в ответ
на плакучем своём языке.

Или время пришло, и беды не избыть?
Что же медлит возница, несмел!
Не ему предстоит онеметь и забыть,
что ещё позабыть не успел.

Прошлогодней листвой на ветру закружит,
сухостоем мелькнёт напослед
всё, чем сердце поэта ещё дорожит
и к чему возвращения нет...

О судьба! Повидавший в холодном дыму
столько крови и пролитых слёз,
вот он в голос рыдает в холодном доме
среди северных чахлых берёз.

Вот он Тасса берёт... И бросает его...
Вот к стеклу сиротливо приник,
глядя сквозь отраженье лица своего
на отчизны неузнанный лик.

Что ж он кучера кличет, мол, ехать пора,
дождь закончился, ветер ослаб,
будто нынче не все им попутны ветра
и не всякий им родствен ухаб?

Будто важно, отчалив от всех берегов,
отзываться на имя своё,
понукальямщика, отдыхать у стогов
и тревожить лесное зверье.

II

В ВОЛОГДЕ

На сквозняках больших дорог
до сердца певчего продрог.
Очнулся — звёзды зажжены,
с тобой ни друга, ни жены,
и на отшибе бытия
душа аукает твоя.

Но только призраки встают —
тебя, как воды, обстоят,
и песни вдруг перестают,

когда, как рожь, перестоят.
Покуда слиты явь и сон,
мир точно снегом занесён.

Ты сам, как рожь, перезревал,
с Торквато милым зоревал,
прозревши на беду себе
свою судьбу в его судьбе.
Но всюду — только занедужь —
не Рим, а северная глушь.

В любой из берегов волна
плеснуть вольна.
Так от истоков ремесло
тебя далёко унесло,
но вновь свело тебя с собой
молчанье, ставшее судьбой.

* * *

Как оголились за ночь пашни!
Семь туч, семь грозовых предтеч
с утра ползут по-черепашьи
и над водонапорной башней
грозятся ситечком протечь.
Пора великого ущерба!
В рябой канаве на меже
ветрами крученная верба
себя не различит уже.

Как одиноко! И до срока
пройду по тёмному двору.
Пусть ошалелая сорока
клюёт сухарик на юру.
Её занятя не нарушу,
согласный в этот час и в ней
почуять родственную душу,
к великой радости своей.

Как много их, тех, без которых,
наследством не обременён,
ты в родовых своих просторах
как будто не укоренён,
всему как будто посторонний,
неразличимый вдалеке,
под ветра свист и грай вороний
стоишь с сухариком в руке...

О Боже, в этой смертной дрожи
объемли облаком меня.
Нет ничего милей и строже
Тобой распахнутого дня.
О, никогда мой бедный разум
постичь не в силах тот объём
всего, мне явленного разом
в едином выдохе своём.

Но погляди: по всем приметам,
Ты сам среди цветущих трав

когда-то хаживал по свету,
по-птичьи голову задрав.
Был окоём лучист и светел,
но, чист и светел, Ты один
им любовался. И свидетель
Тебе вдруг стал необходим.

Тот, на кого, закрыв полнеба,
падёт туман и сны падут,
и тот, над кем склонится верба,
Тобой поставленная тут,
кто по негласному зароку
живёт, как в поле будыльё...
Дорога. Радуга. Сорока...
Прими свидетельство моё!

* * *

...Вновь самум задувает с востока,
и на западе порох и дым.
Ты, я вижу, обманут жестоко,
что зовёшь это время худым.

По душе тебе дом у дороги
и слепое круженье листа,
но растущее чувство тревоги
не врачуют родные уста.

И покуда оно не окрепло, —
губы алы, глаза голубы, —
злое облако пыли и пепла
оседает на спящие лбы.

И витает, звучит над тобою,
долетев с пограничных застав,
сказ о том, как вернулся из боя,
ни семьи, ни страны не застав...

Пробудиться, вскочить запоздало!..
Ночь как ночь, только дали тесны.
Только привкус огня и металла
отравляет поэмы и сны.